26 марта 2014 года, в день празднования памяти священномученика пресвитера Николая Попова, в Михаило-Архангельском храме г. Новочеркасска собором духовенства Новочеркасского благочиния совершена Литургия преждеосвященных Даров.

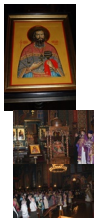
В этом году отмечается 150 лет со дня рождения и 95 лет со дня мученической кончины священника, судьба которого тесно связана со столицей Области Войска Донского.

Священномученик родился, рос и духовно возрастал в Новочеркасске, получив здесь от своих родителей и воспитателей образ веры, чести и благочестия.

В Михаило-Архангельском храме сохраняется и почитается образ священномученика с частицей его святых мощей.

По сложившейся традиции служение Литургии преждеосвященных Даров в этом году было совершалось в вечернее время. Перед началом богослужения была совершена братская исповедь духовенства Новочеркасского благочиния. На Литургии молились прихожане храмов города, преподаватели и воспитанники воскресных школ. Более 200 человек стали причастниками Таин Христовых.

По окончании Литургии со словом к пастырям и молящимся обратился благочинный приходов Новочеркасского округа протоиерей Олег Добринский, сказавший о важности воспитания в каждом человеке достойной личности, взращивании тех ценностей, к которым призвал нас Господь и явил для подражания необыкновенных и светлых людей, прославленных ныне Церковью в лике святых новомучеников.



Сергей Иванов
СВЯТОЙ ИЗ КАЗАЧЬЕГО КРАЯ:
священномученик Николай Попов
из х. Верхнегнутова Чернышковского района
Волгоградской области

Священномученик Николай Попов родился 6 мая 1864 года в семье статского советника Черкасской станицы Войска Донского Харитона Ивановича Попова и дочери священника станицы Мигулинской Александры Петровны. В их многодетной семье насчитывалось девять детей: 4 сына — Николай, Петр, Александр, Иван и 5 дочерей — Неонилла, Серафима, Мария, Ольга и еще одна Мария. Их отец — Харитон Иванович — известный на Дону человек, посвятил всю жизнь изучению истории казачьего края, часто печатал свои ученые труды в светской и церковной прессе. Он стал первым директором Новочеркасского музея донского казачества, созданного по его инициативе. Недаром Харитона Ивановича называли редкостным донским самородком, ведь получив лишь домашнее образование, он сумел стать выдающимся ученым-исследователем старины.

9 мая будущий исповедник принял святое крещение. Раннее детство Николай провел в семье родителей матери. В большой станице Урюпинской, где они жили вначале, царил традиционный уклад казачьей жизни. Вскоре семья Поповых переехала в Новочеркасск, где Николай поступил в гимназию. Как сообщалось в журнале «Донская волна», «Николай Харитонович, самый старший, живой горячий брюнет, не отличался большими способностями, но был пытливый, ищущий юноша. Второй, Петр Харитонович — способный, но спокойный, меланхолически настроенный. Оба брата пользовались большим уважением среди товарищей. Их в гимназии почтительно величали «Харитонычи». Уже в отроческом возрасте ярко проявились главные черты характера будущего священномученика Николая — целеустремленность, открытость, верность своим убеждениям. Сверстники любили его за честность, отзывчивость, верность слову. После окончания шести классов гимназии Николай поступил в Харьковское

земледельческое училище, где прилежно изучал агрономию и другие науки и одним из лучших окончил его полный курс. А брат его Петр закончил юнкерское училище, академию Генерального штаба и стал служить отечеству своей шашкой.

В эти годы в душе Николая происходила серьезная внутренняя работа, выбор дальнейшего пути жизни, который он со всей ревностью искреннего сердца решил посвятить служению горячо любимому Донскому краю. Николай вновь и вновь размышлял о правильности своего выбора. В его душе загоралось пламенное желание служить людям. Он сомневался, достаточно ли ограничиться одним внешним служением, стать специалистом и помогать народу в ведении хозяйства? Душа молодого человека переживала неполноту такого служения. Воспитанный в атмосфере православной духовности, Николай понимал, что одними человеческими силами и знаниями исправить жизнь невозможно, что корень бед лежит гораздо глубже, чем несправедливое экономическое или общественное устройство. Главная беда народа в духовном невежестве, которое помрачает в человеке образ Божий, вносит в личную и общественную жизнь свои разрушительные последствия.

Именно в это время у Николая созрело решение встать на путь духовного служения, и, по прошествии нескольких лет, несмотря на свой уже 30-летний возраст, Николай Харитонович поступил на пятый курс Донской семинарии. С усердием и глубоким интересом он изучает богословские науки. Окончив в 1893 году курс духовной семинарии, будущий священномученик Николай Попов начинает свое пастырское служение в Успенской церкви станицы Аксайской, известной своим чудотворным образом Пресвятой Богородицы. Архиепископом Донским и Новочеркасским Макарием Николай был рукоположен во диакона к Успенской церкви. Меньше года он состоял законоучителем Аксайской церковно-приходской школы, и в ноябре 1894 года архиепископ Донской и Новочеркасский Донат рукоположил диакона Николая во пресвитера.

Отец Николай сразу поехал на новый приход в хутор Колодезный Мигулинской станицы Верхне-Донского округа (сейчас станица Мигулинская Верхнедонского района Ростовской области). Этот хутор, заброшенный в степи, располагался в 75-ти верстах от железной дороги. Над вытянувшимся на несколько верст вдоль балки хутором одиноко стояли три домика — небольшая домовая церковь, дома священника и псаломщика. Но новый священник не стал равнодушно смотреть свысока на темноту, суеверия и пьянство местных жителей. Батюшка всего себя отдал служению Богу и духовной помощи своим прихожанам. Главное внимание он уделял совершению Божественной литургии, в которой черпал силы для своего пастырского служения. Отец Николай часто проповедовал, организовывал воскресные беседы. В скором времени он начал строить учительскую школу второго класса с общежитием, которая предназначалась не только

для обучения детей, но и для подготовки будущих преподавателей. В школе могли обучаться также и дети из неимущих семей, что давало возможность любому одаренному юноше сделать здесь свой первый шаг в жизнь. Многие из выпускников, зараженные энергией неутомимого батюшки, после окончания школы шли учиться дальше. Некоторые из них заняли видные общественные посты на самых разных поприщах.

Священник по-отечески заботился о быте своих воспитанников, на собственные деньги заказывал учебники, тетради, учебные пособия. Все получаемые от благотворителей средства батюшка жертвовал на школу и библиотеку. Он сумел уговорить местного помещика Н.И. Батырева оказывать школе материальную помощь. Одним из жертвователей на Колодезную учительскую школу был и святой праведный Иоанн Кронштадтский, который сразу откликнулся на обращение к нему простого хуторского священника. При школе устроили ферму и подсобное хозяйство. Отец Николай на практике применял знания, полученные им в Земледельческом училище. Начал он возводить в Колодезном и новый вместительный храм, вместо прежнего молитвенного дома.

Но, как и следовало ожидать, не всем местным жителям пришлись ко двору энергичные старания священника. Своей честностью и прямотой он быстро завоевал любовь простых казаков, но верхушка станичной администрации, помещики и купцы стали смотреть на него косо. Чтобы личные отношения не переносились на школу и церковь, он, передав уже возделанную духовную ниву младшему брату, перешел на другой приход.

С 1 августа 1901 года по март 1919 года отец Николай служил в Иоанно-Богословском храме хутора Верхнегнутова Цимлянского благочиния Есауловской станицы 2-го Донского округа Области Войска Донского. Даже по меркам сегодняшнего времени, это был большой хутор. По данным Всероссийской переписи населения 1897 года в 116 дворах здесь проживало почти 900 человек, нуждавшихся в духовной поддержке и окормлении. Неутомимый батюшка рьяно взялся за дело. Уже через несколько лет его заботами был отремонтирован и украшен чудной живописью храм, вызолочены купола, организован церковный хор. Одна из девочек, певших тогда на клиросе — Евдокия Дудакова, жива и до сих пор. Сейчас эту 94-летнюю старушку хуторяне ласково зовут «Михеевна». Она вспоминает, что на клиросе хуторской церкви пели и две дочки отца Николая. Всего же в его семье насчитывалось четверо детей — Николай, Василий, Мария и Зинаида. Все трудные моменты священнического служения ему помогала матушка Зинаида Георгиевна, не роптавшая на тяготы и нестроения жизни в глуши и принимавшая их со смирением. Ей пришлось перенести и тяжелую болезнь, и неудачные роды. Вся семья несла крест своего главы.

Попечением батюшки была построена на хуторе новая школа, в которой он ежедневно сам вел занятия с детьми и в воскресные дни со взрослыми. Он не чурался и новых методов работы с людьми, активно использовал технологические новшества. Специально для прихожан священник приобрел так называемый «волшебный фонарь» (проектор для показа слайдов и фильмов). Начал он и медицинское просвещение казаков — выписал массу книг и журналов по медицине, ездил советоваться с врачами, покупал лекарства. Помощь добрым словом, советом, бесплатным лекарством, часто недоступным для большинства бедняков, привлекала к нему людей. К дому батюшки потянулись подводы с больными. Но, надо заметить, что лечил он крайне осторожно, направляя тяжелобольных к специалистам.

Как человек образованный, отец Николай ясно видел, что многие социальные нестроения проистекают из-за экономической порабощенности большинства меньшинством — помещиками, купцами, кулаками. Конечно, он не мог остаться равнодушным и в этой, казалось бы, безвыходной ситуации. Ведь бедный священник не мог выкупить земли у богатых и наделить ими бедных казаков. Но пытливый пастырь и здесь нашел выход — открыл одно из первых в округе кредитных товариществ для поддержки людей, не имевших первоначального капитала. Он бесплатно работал в нем, вел счетоводство, привлекал новые вклады. Вслед за кредитным товариществом вскоре открылась и потребительская лавка, куда батюшка вкладывает и свои сбережения. Все эти веяния прогресса оживляли жизнь отдаленного хутора, заставляли людей учиться, перебивали грабительскую монополию верхушки, оставляли без работы трактиры и распивочные.

К какой бы области не прикладывал свои усилия отец Николай, он всегда доводил дело до конца и везде оставался неподкупным. Авторитет честного священника растет — и среди простых казаков, и среди окружных кооперативов, и среди духовенства. Священнослужители постоянно избирали его своим делегатом на епархиальные съезды.

Началась Первая мировая война. Грозная атмосфера надвигавшейся смуты все более и более сгущалась. И вот вскоре грянул Февральский, а затем Октябрьский переворот. Неспокойно стало на Дону. С возвращением с фронта воинских частей возрастало в среде казачества революционное движение. На Дону вспыхнул огонь гражданской войны.

Все это время отец Николай оставался со своими хуторянами, разделяя с ними все

трудности и скорби военного времени. Наслышавшись о зверствах большевиков, хуторяне поднялись на борьбу с красными. Своего пастыря они отправили в Новочеркасск за оружием к брату Петру — генерал-майору и походному атаману. К зиме 1918-1919 года линия фронта вплотную приблизилась к Верхнегнутову, потянулись беженцы, не хватало продуктов и медикаментов. Разразилась эпидемия тифа. Отец Николай остался в хуторе, полный решимости до конца пронести свой крест пастырского служения. Батюшка самоотверженно исполнял свой долг — исповедовал, причащал больных и умирающих. Однажды только за один день он напутствовал Святыми Тайнами 27 человек, но к вечеру слег, заразившись тифом. Бесчувственного священника положили на повозку соседи, бежавшие от красных. Но далеко им уехать не удалось, большевики настигли их в соседнем хуторе. Испугавшись, беженцы бросили больного батюшку на улице. К счастью, его подобрал местный учитель и, перенеся в школу, ухаживал за ним, пока не приехала матушка.

Только через два месяца смог отец Николай подняться с постели. Не дождавшись полного выздоровления, он начал совершать богослужения в своем доме. Первый раз в конце марта отец Николай вышел из дома, чтобы в храме напутствовать прихожан Святыми Тайнами. Он заглянул в хуторское правление, где заседали большевики, в кооперативы, напутствовал несколько человек. К вечеру того же дня он вернулся усталый, но отдохнуть ему не пришлось. Хуторской ревком постановил произвести у отца Николая обыск и арестовать его вместе с двумя известными местными жителями (последних расстреляли в тот же день). Во время обыска в доме отца Николая комиссар по прозвищу Махор увидел на стене фотографию его брата — походного атамана Петра Харитоновича Попова. Этого было достаточно, чтобы посадить священника в «тигулевку» (хуторскую камеру для арестантов). Приближался праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, и, готовясь к нему, батюшка попросил принести Евангелие, прибил на стену иконочку, превратив темницу в дом Божий. Здесь он и молился с несколькими арестованными стариками. К месту его заточения потянулись подводы — казаки приезжали за священником, чтобы он напутствовал умиравших от тифа. Под строгим конвоем батюшку возили три дня от больного к больному.

Вскоре хуторскому комиссару Махору, до 1917 года занимавшемуся извозом и не раз евшему хлеб батюшки, надоело возиться с ним. 23 марта он отправил своего арестанта на станцию Морозовскую, где находился в то время окружной ревтрибунал. В своем прощальном письме священномученик Христов с удивительным мужеством писал своим родным, чтобы те простили все своим врагам, простили и его мученическую смерть. Прощаясь с супругой из окна здания ревтрибунала, отец Николай показал рукой на песок. Это означало, что его ожидала смерть на песчаном карьере недалеко от станции Морозовской. Он был казнен 26 марта (по новому стилю) 1919 года. Только в июне, после освобождения округа от красных, дочь Зинаида смогла отыскать тело мученика Христова среди сотен, казненных на «песках» людей. Она опознала отца по одной единственной примете: отсутствию мизинца на левой руке. Его голова была разбита, а

шея рассечена сабельным ударом. Тело священномученика Николая по решению хуторского общества было погребено за алтарной частью верхнегнутовского храма, рядом с могилой другого священника. А в самой церкви прихожане поместили погрудный портрет любимого пастыря. Хранил память о сыне и Харитон Иванович Попов, бережно собравший в своем архиве письма отца Николая. Этот бесценный источник помог дополнить живой облик христолюбивого пастыря.

Несмотря на все заверения о терпимости народной власти, время показывало все новые и новые случаи геноцида по отношению к казачеству и к православному духовенству. В декабре 1919 года VII-ой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и трудовых казацких депутатов обратился к казакам всей страны с призывом поддержать новую власть. В этом обращении говорилось: «Церковь в Советской России отделена от государства и стала свободным достоянием верующих. Никакого насилия над совестью, никакого оскорбления церквей и религиозных обычаев Советская власть не допустит и не потерпит». В начале 1920 года председатель ВЦИК М.И.Калинин посетил со специальным агитпоездом «Октябрьская революция» Урюпинскую и другие донские станицы. Здесь в своих выступлениях перед казаками он рассказывал о терпимой политике большевиков по отношению к Церкви. А в своей статье в газете «Беднота» за сентябрь 1920 года, рассказывая об итогах поездки, М.И. Калинин относил к контрреволюционному меньшинству все духовенство Дона и Кубани. По Дону и Кубани раскатывал и агитпоезд «Красный казак», также распространявший пропагандистскую литературу.

Параллельно с этими заявлениями шло уничтожение священнослужителей и храмов. В годы страшных гонений на веру и верхнегнутовскому храму была отмерена короткая жизнь. Коммунисты разорили и его, и могилу священника. Но мощи святого недолго лежали под спудом. Осенью 2006 года по благословению митрополита Волгоградского и Камышинского Германа была создана специальная комиссия по обретению мощей священномученика Николая Попова. Сначала в райцентр Чернышковский отправились 9 октября 2006 года для организации процесса раскопок священнослужители Анатолий Карпец, Николай Пичейкин, Андрей Серегин, Алексей Зимовец, пресс-секретарь епархии С.М. Иванов. Администрация Чернышковского района сразу пошла навстречу просьбе епархии. Глава администрации Владимир Шефатов помог с выделением техники для раскопок и различными согласованиями. Тогда члены епархиальной комиссии под руководством протоиерея Анатолия Карпеца 11 октября 2006 года вновь отбыли в хутор Верхнегнутов Чернышковского района Волгоградской области. Путем опроса старожилов хутора Верхнегнутова комиссия уточнила приблизительное место расположения местной церкви, от которой не осталось вообще ничего. К сожалению, о самом отце Николае не мог что-либо сообщить практически никто из жителей. Почти не видящая 94-летняя хуторянка Евдокия Михеевна Дудакова попросила поставить ее рядом с памятником солдатам, погибшим в Гражданскую и Великую Отечественную войны.

— Вот здесь стояла церковь, тут сторожка, а две могилы священников были за алтарем, — вспомнила она.

Несколько священнослужителей совершили молебен на месте захоронения священномученика. Примечательно, что когда стали узнавать, как называлась церковь, за алтарем которой почивали мощи отца Николая, оказалось, что она носила имя в честь святого Иоанна Богослова (празднование падает как раз на 11 октября).

Память не подвела старейшую жительницу хутора. С помощью археологов из Волгоградского государственного университета комиссия приступила к раскопкам. К месту раскопок подошли грейдер и бульдозер для снятия верхнего слоя грунта. Раскопки велись два дня. Машинами было снято около 60 см верхнего слоя грунта. Сначала удалось найти фундамент одной из стен разрушенного Иоанно-Богословского храма. Ориентируясь на эту стену, комиссия продолжила поиски, в результате которых за алтарем и была обнаружена могила мученика. Археологи долго думали, какая это стена — северная или южная (все православные храмы вытянуты по линии восток — запад). После еще одной проходки бульдозера с восточной стороны в месте окончания стены на земле появились очертания двух похожих на захоронения пятен. Одно из захоронений — маленькое (условно названное «детским») оказалось очень неглубоким (около 1 м) и пустым (возможно, какое-то детское захоронение было позже перенесено на хуторское кладбище). Батюшки с удвоенной силой взялись за лопаты, и вот во второй могиле открылся неплохо сохранившийся гроб. Теперь пришло время осторожно работать ножом и кисточками. Это захоронение наглядно подтвердило рассказы старожилов о тех страшных годах.

После вскрытия основной могилы в частично сохранившемся гробу нашли мощи священномученика, обложку от Евангелия, напрестольный крест, частично сохранившиеся обрывки облачения. Глубина от дна могильной ямы составляла 170 см. Судя по замерам о. Николай Попов был мужчиной высокого роста (более 180 см). Гроб для него, вероятно, искали в спешке, так как он оказался мал (пальцы ног упирались в стенку гроба). Вся могильная земля и труха дерева были тщательно обысканы металлодетектором, но нательного и нагрудного крестов в гробу не оказалось. Скорее всего, выводя на казнь священника, палачи сорвали с него кресты, а во время захоронения не нашлось священнического креста. Поручи были просто сложены рядом с его руками.

Голова священномученика была как бы смещена в сторону от шейных позвонков. Мы не нашли в гробу никаких следов от другой одежды (обувь, пуговицы, пряжки и т.п.), кроме священнической, хотя убивали его, конечно, не в рясе.

Нам удалось найти документ, подтверждающий обстоятельства казни и захоронения священномученика Николая Попова. Это «Сводка сведений о злодеяниях и беззакониях большевиков № 23 от 28 июля 1919 г.», составленная Отделом пропаганды Особого совещания при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России (белогвардейская армия). В данной Сводке сообщается: «Дон. Станица Морозовская. 5 июля в станице Морозовской погребено 200 трупов, преимущественно местных жителей, замученных большевиками. В числе жертв — 10 женщин, 3 священника: о. Николай Попов, о. Агафон Горин, о. Александр Карапчов и отец, мать и сестра полковника барона Медема. Несчастные жертвы были страшно изрублены и все, за исключением женщин, обнажены». В Сводке за № 17 от 12 июня 1919 г. говорится: «По показаниям жителей станицы Морозовской, большевики производили казни главным образом холодным оружием: отрубали головы, руки, распарывали грудь и животы ... В бытность большевиков в станице Морозовской председатель и члены ревкома убивали под видом борьбы с контрреволюцией отдельных лиц, контрреволюционная деятельность которых безусловно не была доказана. В возмутительной форме приводились в исполнение приговоры. Осужденных рубили шашками и прикалывали штыками» (из сб.: Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков/ под ред. Ю. Фельштинского и Г. Чернявского. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2004. — С. 275, 261-262). Это объясняет факт отсутствия пулевых пробоин на черепе казненного священномученика, а также то обстоятельство, что детали священнического облачения при перезахоронении были не одеты на тело, а сложены рядом или накинуты.

По воспоминаниям старожилов, на погребение мученика в июне 1919 года пришел весь хутор, все его жители подошли к могиле и бросили в нее по горсти земли.

— Нас-то детей к самой могиле сначала не подпускали, — рассказала Евдокия Михеевна Дудакова. — Собрался весь народ, и каждый бросил в могилу горсть земли. Уж очень его любили — скромный был, с детьми много занимался. Я сама с его дочерьми пела в церковном хоре. А всего у них с матушкой четверо детей было — тоже такие не горделивые. После уже, похоронив супруга, матушка с детьми уехали из хутора.

Члены епархиальной комиссии тщательно собрали весь прах, все остатки от гробовых

досок и уцелевшие фрагменты облачения. Все это представляет для верующих людей огромную ценность. Уже после обретения мощей мученика, когда священники служили благодарственный молебен на месте его захоронения, не нашлось креста для благословения великого множества собравшихся людей. Тогда отец Анатолий, достав из гроба найденный напрестольный крест, и благословил им верующих.

— Это великое чудо, — сказал батюшка. — Сейчас я благословляю вас всех именно тем крестом, которым священномученик Николай Попов благословлял ваших предков. Будьте же сильны в вере, как и ваши деды и прадеды.

За процессом обретения мощей отца Николая наблюдали практически все верхнегнутовцы. На раскопках присутствовали глава администрации Чернышковского района В.В. Шефатов, журналисты Волгоградского областного телевидения и корреспонденты газет. Информация об этом уникальном событии сразу облетела многие местные и российские средства массовой информации. Пресс-служба Волгоградской епархии готовит к выпуску специальный видеофильм, посвященный личности священномученика.

После обретения мощей епархиальной комиссией их доставили для прославления в Волгоградский Свято-Духов монастырь. Здесь священномученика торжественно встретил митрополит Волгоградский и Камышинский Герман со множеством священнослужителей и прихожан. Владыка призвал всех верующих прийти в монастырь для поклонения вновь обретенному святому.

Чин прославления священномученика Николая Попова ожидается 30 сентября 2007 года. Специально к этому празднику по благословению митрополита Германа протоиерей Сергий Ермаков пишет несколько иконописных образов святого. В память о подвижнической жизни и мученической смерти отца Николая епархия организовала в сентябре 2007 года крестный ход на байдарках с его иконой и частицей святых мощей. Это способствовало тому, что о подвиге простого хуторского священника узнали множество жителей современной Волгоградской области. Сами жители хутора Верхнегнутова с нетерпением ждут того момента, когда их храм будет восстановлен, и в нем займут свое почетное место мощи нового святого. Пока же на месте могилы отца Николая Попова был установлен могильный крест. А 26 марта 2007 года, в день казни святого, священнослужители Чернышковского храма Иоанна Предтечи отслужили благодарственный молебен. Всем присутствующим на молебне жителям хутора священник Георгий Тхелидзе раздал иконы священномученика Николая Попова.

В архивах удалось найти сведения об истории Иоанно-Богословского храма в хуторе Верхнегнутов. Эта деревянная церковь была построена на народные средства в 1895 году. Особенно большое пожертвование сделали братья Фадей и Авдей Антиповичи Титовы. А в 1896 году подрядчик Г. Симкин поставил здесь здание церковно-приходской школы. Даже после казни отца Николая Попова богослужения первое время не прекращались. Официально церковь закрыли 8 апреля 1940 года, но в реальности она не действовала уже в 30-е годы. Как сообщала Постоянная комиссия по культовым вопросам при президиуме Сталинградского крайисполкома, по состоянию на 1 января 1936 года во всем Чернышковском районе действовала лишь одна православная церковь. В самом хуторе Верхнегнутове местные власти использовали здание храма под хозяйственные нужды.

Несмотря на все лишения, и простые верующие, и священнослужители не забывали своих обязанностей перед Богом. Для того чтобы оторвать людей от Бога, коммунисты использовали множество различных методов — кроме прямого закрытия храмов, они переводили старинные станицы в другие места, фактически оставляя церкви без попечения. Так, станица Есауловская была перенесена в хутор Тормосин и переименована в станицу Стеньки-Разинскую. В результате, как говорится в письмах казаков от 1927 года: «Храм Божий стоит в самом плачевном виде, весь облупился, ремонт производить не на что». Несмотря на это, «служба в храме производится и молящихся много, а на престольный день 8 ноября старого стиля Архистратига Михаила было большое стечение молящихся со всех хуторов станицы». Как видим, даже в дни гонений верующие продолжали посещать богослужения. Наверняка, среди них были и жители хутора Верхнегнутова, получившие первые наставления в вере именно из уст священника Николая Попова. Уже позже в 1937 году атеистические пропагандисты писали, что в хуторах «Верхне-Терновой и Гнутовский (Чернышковского района) заехавшие из соседней области попы собирали подписи за открытие церкви». Но тогда в самый разгар репрессий, конечно, о возвращении святыни оставалось только мечтать. После Победы в Великой Отечественной войне на волне патриотического подъема хуторяне вновь стали просить об открытии их храма. В 1945 году ими было подано два заявления уполномоченному Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Сталинградской области. Наибольшее число подписавшихся под заявлением — 20 человек. Но прошение верующих облисполком отклонил своим решением от 19.12.1945 года. Облик храма был сильно переделан так, чтобы ничего не напоминало о его первоначальном предназначении, — снесли колокольню и купол. Как и в других святынях, здесь поместили склад, а после войны — вновь клуб, куда местная молодежь ходила на танцы. А в церковной сторожке проживала фельдшерица со своей семьей. В годы хрущевских гонений на веру храм со сторожкой разобрали. Безбожники разорили и могилу священнослужителя, над его могилой расцвел парк. Сейчас сохранился только домик отца Николая Попова, в котором находится почта.

volgaprav.ru